

УДК 81-115+81'33+81-13+81'243+81'25

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПЕРЕВОДА СЛОЖНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ

Т.К. Иванова, Н.В. Аржанцева, И.В. Ерофеева

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

Статья посвящена методологическим аспектам перевода сложных слов русского, английского и немецкого языков. Исследование проводится с целью определения переводческих закономерностей. Исходя из словообразовательного значения осуществляется структурно-семантический анализ сложных наименований лица. Ономаσιологический подход позволяет установить соответствия для двух больших подгрупп: наименований лица по действию и наименований лица по признаку. Закономерности перевода данных слов, обнаруженные в ходе исследования, зафиксированы в таблице. Выявляются два основных способа перевода сложных наименований лица: подбор структурно-семантического соответствия и использование перифразы. Описательный оборот, который структурно отличается от исходной единицы, но содержит указание на действующее лицо, вводится в случае отсутствия в языке эквивалентного образования. При этом межъязыковые эквиваленты являются межспособными образованиями.

Ключевые слова: ономаσιологический подход, лингвистический анализ, словообразовательное значение, словообразовательная модель, словообразовательный тип, перевод

Сопоставительное исследование перевода сложных слов русского, английского и немецкого языков обусловлено, во-первых, возросшим интересом к сравнительному языкознанию, во-вторых, наличием большого количества таких лексем в рассматриваемых словообразовательных системах и, в-третьих, необходимостью их адекватной передачи для осуществления полноценного межкультурного взаимодействия. Важность изучения субстантивного словообразования определяется как значительным увеличением сложных лексем в перечисленных языках, так и расширением общественных и научных связей между странами. Данное исследование даёт возможность на основе уже существующих и апробированных ономаσιологических принципов создать целостное описание системы трансформаций, используемых при переводе сложных наименований русского, английского и немецкого языков.

Знаковые элементы языка, будучи лексическими, грамматическими или словообразовательными, находятся в определённых отношениях, отражающих особенности идентичных предметов и ситуаций. Проблема сходств и различий

языкового воплощения неязыковых явлений напрямую связана с межъязыковой эквивалентностью [1, с. 5]. Существенное расхождение (как в количественном, так и в качественном плане) в способах передачи лексического значения словообразовательными конструкциями в неродственных языках затрудняет комплексный сопоставительный анализ данных отношений. В связи с этим было решено проанализировать семантические трансформации, возникающие при переводе слов, относящихся к определённым словообразовательным типам, и отношения, выражаемые сложными именами существительными.

Адекватность перевода понимается как соответствие явлений языка оригинала конструкциям языка перевода; это касается формы, содержания, структуры исходного текста и пр. Эквивалентным считается перевод, который соответствует оригиналу на всех языковых уровнях и обеспечивает решение тех же информационно-коммуникативных задач. Такой перевод представляет собой компромисс между передаваемым смыслом и соответствующей конструкцией. Для этого используются переводческие трансформации в виде перестройки элементов исходного текста. В случаях, когда смысловые и стилистические особенности невозможно передать предельно точно, применяются межъязыковые компенсации, включающие элементы разных уровней языка. В центре внимания настоящего исследования находятся структурно-семантические трансформации сложных слов, которые помогают достичь максимальной адекватности при передаче подобных конструкций в сопоставляемых языках.

Традиционные структурные классификации сложных слов широко представлены в исследованиях по русскому и зарубежному словообразованию (см. [2, с. 88–89; 3–7]). В связи с процессами глобализации на передний план в европейской лингвистике выдвигается проблема соотношения родного и иностранного языков, в частности своеобразие понимания иноязычного слова [8, S. 143]. Появление самого термина «европейское образование» приводит к необходимости переосмысления языковых взаимоотношений, которые теперь воспринимаются не как «двусторонние процессы, а как интернациональные процессы выравнивания (языковых систем)¹» [9, S. 304]. Помимо этого, в рамках нашего исследования необходимо иметь в виду позицию Казанской лингвистической школы, в соответствии с которой среди сложных слов выделяются сложения и сращения [10–12]. Исходя из вышесказанного, во избежание противоречий при сравнении словообразовательных характеристик и типов сложных наименований в качестве объединяющего принципа был выбран ономаσιологический подход [13].

Поскольку словообразовательные особенности композитов в европейских языковых системах уже не раз были предметом анализа [14], рассмотрим отдельные словообразовательные типы сложных слов с общим значением лица, а также способы их репрезентации в русском, английском и немецком языках. Словообразовательные типы сложных наименований лица (далее – СНЛ) в изучаемых языках представлены в основном моделью $X(X)' = S$, где X – основа любой части речи, штрих указывает на неопределённость языковой сущности единицы, которая может быть самостоятельной корневой морфемой, морфемоидом или субморфом, а S – существительное, обладающее общим словообразовательным

¹ Перевод с немецкого наш. – Т.И., Н.А., И.Е.

значением лица. При этом следует отметить, что в русском языке – это семантические сращения типа *врач-рефлексотерапевт*, *врач-радиолог*, *врач-онкоуролог* (НРЛ), в немецком – определительные композиты, в которых второй компонент обозначает лицо (*Computeringenieur*, *Informatikassistent*, *Zitologieassistent* (НКНЯ)). Порядок следования компонентов в русских семантических сращениях не фиксирован, формирование данного типа образований не закончено, о чём свидетельствуют данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Этот факт связан прежде всего со сходством в русском языке семантических сращений и приложений. В немецком языке также встречаются случаи двойственного написания копулативных композитов для неустоявшихся моделей (например, *Boxer-Profi* и *Profi-Boxer*), однако подобные случаи единичны и не позволяют сделать вывод о закономерности указанного явления в немецком языке. Способы оформления сложных слов в английском языке до настоящего момента остаются дискуссионными – встречается как слитное, так и раздельное их написание (*statesman*, *House wife* и др. (см. НКАЯ)). Данная тема может быть предметом отдельного научного исследования.

Проведём анализ переводческих соответствий сложных слов русского, английского и немецкого языков в соответствии с ономаσιологическим подходом к значению словообразовательных конструкций.

1. Процессуальный ономаσιологический признак. В ходе анализа было установлено, что в русском языке среди словообразовательных значений СНЛ отсутствует процессуальный ономаσιологический признак. Подобные конструкции переводятся с помощью перифраз «относительное прилагательное + существительное». В английском языке процессуальный признак выражается сочетанием «прилагательное + существительное» или одиночным существительным. Ср.: нем. *Leiharbeiter* – англ. *a temporary worker* – рус. *временный рабочий*; нем. *Scheinasylant* – англ. *a bogus refugee* – рус. *мнимый (кажущийся) беженец*. Первый компонент приведённых сложных слов немецкого языка образован от соответствующих глаголов и является определением по отношению ко второму компоненту, основу которого образует имя существительное. Если процессуальное значение выражено отглагольным компонентом, обозначающим абстрактный процесс, то немецким наименованиями лица соответствуют, как правило, русские синтаксические конструкции, уточняющие семантику через перифразы: *беженец, который таковым не является*; *человек, притворяющийся беженцем*.

2. Целевой ономаσιологический признак. В немецком и английском языках выражается определительным композитом со структурой «существительное + существительное». Не имеет аналогов в русском языке. Например, немецкое слово *Karrierefrau*, соответствующее англ. *career woman*, на русский язык может переводиться такими описательными оборотами, как *женщина, занимающаяся карьерой* или *имеющая большие успехи в профессиональной деятельности*; *женщина, целью которой является достижение высокого положения в общественной иерархии* или *продвижение по карьерной лестнице*., Кроме того, определительные композиты могут быть переведены на русский язык с помощью семантических сращений: нем. *Beratungsingenieur* – рус. *инженер-консультант*; нем. *Rettungsschwimmer* – рус. *пловец-спасатель*; англ. *master-builder* – рус. *строитель-подрядчик*; англ. *fighter-pilot* – рус. *лётчик-истребитель*.

3. Причинный ономаσιологический признак. Среди русских СНЛ не отмечено регулярных словообразовательных средств передачи причинного ономаσιологического признака, которые характерны для немецкого и в меньшей степени для английского языков. Подобные сложные слова имеют в русском языке соответствия в виде нераспространённых и распространённых словосочетаний и перифраз: нем. *Unfalltote* – рус. *кто-либо погибший в результате несчастного случая* или *лицо, лишившееся жизни в результате катастрофы*; нем. *Verkehrsofopfer (Verkehrstote)* – рус. *лицо, пострадавшее в результате дорожной катастрофы (и умершее от полученных травм), или жертва дорожно-транспортного происшествия*; англ. *disaster victim* – рус. *жертва стихийного бедствия*; англ. *air-crash victim* – рус. *жертва авиакатастрофы*; англ. *admass* – рус. *жертва рекламы* или *люди, попадающие под влияние рекламы*.

4. Дифференциация способа или образа действия. Отражена в словообразовательных типах немецких СНЛ, в русском языке осуществляется с помощью перифразы: нем. *Triebtaeter* – рус. *человек, совершивший преступление под влиянием какого-либо сильного фактора (например, полового инстинкта)*; нем. *Einzelkaufmann* – рус. *лицо, занимающееся торговой деятельностью в одиночку*; нем. *Gelegenheitsarbeiter* – рус. *рабочий, живущий на случайный заработок, не имеющий постоянной работы*. Подобные сложные слова в английском языке нами выявлены не были.

Следует отметить, что в немецком языке признаки профессиональной/непрофессиональной, постоянной/временной деятельности выражаются элементами определительных композитов: *Amateur* ‘любитель’; *Berufs-*, *Profi-* ‘профессионал’; *-fachmann*, *-spezialist* ‘специалист, профессионал’. В английском языке данные признаки передаются при помощи компонентов определительных композитов (*amateur* ‘любитель’, является как существительным, так и прилагательным) и прилагательных (*professional* ‘профессионал’). Словообразовательными средствами для передачи подобных отношений в русском языке служат семантические сращения, сложные слова и словосочетания, в том числе конструкции «относительное прилагательное + существительное». Ср.: нем. *Amateurfilmer* – рус. *кинатографист-любитель*; нем. *Tennisprofi* – рус. *теннисист-профессионал*; нем. *Berufsmusiker* – англ. *professional musician* – рус. *профессиональный музыкант*; англ. *amateur artist* – рус. *художник-любитель*; англ. *amateur astronomer* – рус. *любитель-астроном*; англ. *car-enthusiast* – рус. *автолюбитель*; англ. *film buff* – рус. *любитель кино*. В свою очередь, русские семантические сращения, обозначающие лицо и не имеющие структурных соответствий в немецком и английском языках, передаются при переводе различными видами определительных композитов: рус. *теннисист-профессионал* – нем. *Tennisprofi*; рус. *автолюбитель* – англ. *car-enthusiast*. Немецкие и английские копулативные композиты, представляющие собой наименования лица и наиболее соответствующие русским сращениям со структурной и семантической точки зрения, слишком малочисленны, чтобы делать выводы об их регулярности.

5. Объект действия + субъект, оказывающий воздействие. Данное значение выражается во всех исследуемых языках, при этом второй компонент является отглагольным суффиксальным существительным. Ср.: нем. *Jugendforscher* ‘социолог, занимающийся исследованием проблем молодёжи’; англ. *company*

management ‘руководство компании’; англ. *baby minder / baby sitter* ‘приходящая няня, остающаяся с детьми за плату’ (начинает закрепляться вариант перевода в виде транслитерации – *бэбиситтер*); рус. *арендодатель*.

Предметный признак в немецком и английском языках чаще всего выражается именами существительными, в то время как в русском он может передаваться усечёнными формами прилагательных: нем. *Filmproduzent* ‘продюсер в киноиндустрии’; англ. *diving instructor* ‘инструктор по подводному плаванию (дайвингу)’; рус. *авторуководитель*, *авианаводчик*. Подобные русские сложносокращённые образования в сочетании с суффиксацией со словообразовательной точки зрения соответствуют немецким сложениям, оформленным по модели «существительное + существительное», поскольку имеют общую структуру значения. В пределах подобного словообразовательного типа они представляют собой межспособные словообразовательные эквиваленты.

Среди слов, входящих в данную подгруппу, отмечаются и интернационализмы, обозначающие группы лиц по виду деятельности: нем. *Drogenmafia* – англ. *drug mafia* – рус. *наркомафия*. Будучи заимствованными, эти лексемы практически не были ассимилированы в языке-реципиенте.

6. Семантические трансформации. Особый интерес вызывает сопоставление СНЛ, чьи компоненты подверглись семантическим трансформациям. В русском языке эта подгруппа представлена однородными по структуре единствами: первый компонент является усечённой формой прилагательного, а второй – семантически переосмысленной лексической единицей, причём первый задаёт область функционирования второго (опорного) элемента. Большинство подобных образований относятся к окказионализмам и имеют стилистическую окраску. Их использование связано, как правило, с разговорной речью (ср.: *интердевочка*, *велобедуин*).

Подобные единицы немецкого языка образованы по следующей модели: сложное обозначение явления, предмета, животного → наименование лица: *Hemmschuh* ‘тормозной башмак, тормоз’ → *Hemmschuh* ‘человек, тормозящий какие-либо изменения’; *Schiessbudenfigur* ‘фигура в будке или тире, по которой стреляют’ → *Schiessbudenfigur* ‘человек, над которым все смеются, которого никто не воспринимает всерьёз’ и др. В английском языке наблюдаются похожие параллели: *sunshine* ‘солнечный свет, счастье’ → *Sunshine* ‘дорогой человек’, *oil painting* ‘картина, написанная маслом’ → *oil painting* ‘писанный красавец’. Как видим, немецкие и английские сложные слова имеют русские соответствия в виде перифраз или словосочетаний, состоящих из относительного прилагательного и существительного.

Итак, для передачи соответствующего словообразовательного и лексического значения используются межъязыковые эквиваленты в виде структурных соответствий или такие межспособные варианты, которые позволяют добиться наибольшей адекватности перевода сложных наименований лица. При этом применяются наиболее распространённые словообразовательные модели, характерные для сложных слов в языке перевода. Сложные немецкие и английские лексемы могут иметь следующие соответствия в русском языке: сложное слово; простое слово; словосочетание «имя прилагательное + имя существительное»; субстантивированное причастие; перифраза на основе семантической

Табл. 1

Словообразовательные значения и межъязыковые способы их передачи

№	Ономастиологические подгруппы	Исходные конструкции		Перевод на русский язык
		нем.	англ.	
1	СНЛ по действию и объекту, на которое оно направлено (объект конкретный или абстрактный)	Steuerzahler	taxpayer	налогоплательщик
		Tierpfleger	animal lover	человек, заботящийся о животных или ухаживающий за ними
2	СНЛ по действию и его результату (результат прямой или косвенный)	Panikmacher	scaremonger	паникёр
		Computerhersteller	computer manufacturer	производитель компьютеров
3	СНЛ по действию и месту действия	Afrikareisende	не зафиксировано	путешествующий по Африке
		Gerichtsvorsitzende	court chairman	председатель в суде
4	СНЛ по действию и сфере действия (отрасли науки, техники, виду искусства)	Krebsforscher	cancer researcher	исследователь в области онкологии
		Anlageberater	investment consultant	консультант по вкладам
5	СНЛ по действию или выполняемой функции	Bereichsleiter	department manager	руководитель отдела
		Arzthelfer	assistant physician	помощник врача
6	СНЛ по отношению к предмету и признаку, связанному с ним	Christdemokrat	Christian democrat	христианский демократ
		Fussballfan	football fan	футбольный фанат
7	Наименования специалистов по сфере профессиональной деятельности	Polizeibeamte	law enforcement officer	чиновник в полиции
		Personalchef/ Personalleiter	staff manager	шеф/руководитель отдела кадров
		Wirtschaftspruefer	certified public accountant	бухгалтер-ревизор
		PR-Manager	PR manager	менеджер по связям с общественностью
8	СНЛ по сфере профессиональной деятельности и её уточнению	Tontechniker	sound engineer	звукоинженер
		Unternehmensberater	management consultant	консультант по предпринимательской деятельности
		Vertriebsingenieur	sales engineer	специалист по сбыту
9	Наименования совокупности лиц, занимающихся общей деятельностью	Drogenmafia	drugmafia	наркомафия

трансформации «лицо, которое...». Поиск эквивалентов при переводе с немецкого и английского языков на русский существенно затруднён для определённых групп слов, примеры которых представлены в табл. 1.

В большинстве случаев в русском языке отсутствуют СНЛ, соответствующие содержанию сложных немецких и английских слов, например: нем. *Fernsehliebling* – англ. *matinee idol* – рус. *любимец зрителей*; нем. *Filmautor* – англ. *scriptwriter* – рус. *автор фильма, сценарист*. Перевод таких существительных, как нем. *Fernsehkoch* и англ. *TV chef* ‘телеповар’, требует дополнительного объяснения с использованием перифразы ‘повар, приготавливающий пищу на глазах у зрителей в телестудии’. Определительному немецкому и английскому композиту в русском языке часто соответствует сложное слово, первый компонент которого является аффиксоидом (нем. *Filmproduzent* – англ. *filmmaker* – рус. *кинопроизводитель*; нем. *Filmregisseur* – англ. *movie director* – рус. *кинорежиссёр*).

Таким образом, межъязыковые соответствия могут быть межспособными и межуровневыми явлениями языковой системы. Сложные наименования лица переводятся с немецкого и английского языков на русский чаще всего описательными оборотами или определительными словосочетаниями, поскольку подбор соответствующих русских словообразовательных конструкций затруднён. Эквивалентный перевод характерен лишь для сращений или образований с аффиксоидами; данные единицы обладают в сопоставляемых языках сходными значениями и общим структурным оформлением. Кроме того, сложные наименования лиц могут передаваться несколькими способами в зависимости от контекста и словообразовательных особенностей языка перевода.

Источники

- НРЛ – Новое в русской лексике. Словарные материалы. 1987 / Под ред. Н.З. Котеловой, Ю.Ф. Денисенко. – СПб., 1996. – 352 с.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. – URL: <http://ruscorpora.ru>, свободный.
- НКНЯ – Национальный корпус немецкого языка. – URL: <http://cosmas2.ids-mannheim.de>, свободный.
- НКАЯ – Национальный корпус английского языка. – URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>, свободный.

Литература

1. Сопоставительное изучение немецкого и русского языков: грамматико-лексические аспекты / Под ред. В. Гладрова, М.В. Раевского. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. – 182 с.
2. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. – М.: Наука, 1992. – 221 с.
3. Балалыкина Э.А., Николаев Г.А. Русское словообразование. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1985. – 184 с.
4. Erben J. Einführung in die deutsche Wortbildungslehre. – Berlin: Schmidt, 2006. – 206 S.
5. Lohde M. Wortbildung des modernen Deutschen. Ein Lehr- und Übungsbuch. – Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag, 2006. – 350 S.
6. Marchand H. The categories and types of present-day English word-formation. A synchronic-diachronic approach. – München: C.H. Beck, 1969. – 545 p.
7. Word-Formation: An international handbook of the languages of Europe / Eds. P.O. Müller, I. Ohnheiser, S. Olsen, F. Rainer. – Berlin: De Gruyter Mouton, 2016. – V. 4. – 702 p.

8. Šimečková A. Zur jüngeren germanistischen Wortbildungsforschung und zur Nutzung der Ergebnisse für Deutsch als Fremdsprache // *Deutsch als Fremdsprache. Zeitschrift zur Theorie und Praxis des Deutschunterrichts für Ausländer*. – 2004. – Н. 3. – S. 140–151.
9. Barz I. Zum heutigen Erkenntnisinteresse germanistischer Wortbildungsforschung. Ein exemplarischer Bericht // *Praxis und Integrationsfelder der Wortbildungsforschung* / Hrsg. I. Barz, M. Schröder, U. Fix. – Heidelberg: Winter, 2000. – S. 299–316.
10. Балалыкина Э.А. Русское адъективное словообразование на балто-славянском фоне. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2007. – 272 с.
11. Николаев Г.А. Лекции по русскому словообразованию. – Казань: Казан. ун-т, 2009. – 188 с.
12. Марков В.М. Несколько замечаний о способах русского словообразования // *Slavia Orientalis*. – 1980. – № 1/2. – S. 155–160.
13. Шкатова Л.А. Развитие ономаσιологических структур (на примере наименования лиц по профессии в русском языке). – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1984. – 152 с.
14. Wamelinck-van Lint G.P.J. Compounds: Semantics and Pragmatics // *The Encyclopedia of Language and Linguistics* / Eds. R.E. Asher, J.M.Y. Simpson. – Oxford: Pergamon Press, 1994. – V. 2. – P. 657–659.

Поступила в редакцию
27.04.17

Иванова Татьяна Константиновна, доктор филологических наук, доцент кафедры иностранных языков в сфере международных отношений

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: Tatiana.Ivanova@kpfu.ru

Аржанцева Наталья Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков в сфере международных отношений

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: Natalia.Arzhantseva@kpfu.ru

Ерофеева Ирина Валерьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и прикладной лингвистики

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: erofeeva89@mail.ru

**Patterns for Translation of Compound Nouns
in the Russian, English, and German Languages***T.K. Ivanova*^{*}, *N.V. Arzhantseva*^{**}, *I.V. Erofeeva*^{***}*Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia*E-mail: **Tatiana.Ivanova@kpfu.ru, **Natalia.Arzhantseva@kpfu.ru, ***erofeeva89@mail.ru*

Received March 21, 2017

Abstract

The paper deals with the methodological patterns for translation of compound nouns in the Russian, English, and German languages. The novelty of the research is determined by the fact that the epoch of rapidly developing public and academic interactions between countries is marked both by a significant increase in the number of compound words in the Russian language which require adequate translation and by the insufficient research on Russian, and English, German compound nouns. The purpose of the current study is to investigate regular and irregular equivalents to Russian compound nouns. The purpose has been fulfilled using the following methods: comparative and descriptive methods, as well as the method of structural and semantic analysis based on the onomasiological approach.

Our attention has been focused on the structural and semantic characteristics of compound nouns and transformations which help to achieve a high degree of equivalence between Russian, English, and German compounds. As a result of the linguistic analysis, two groups of compound nouns have been singled out. The article provides numerous examples proving that the two groups have regular translation equivalents functioning as compound nouns and/or word combinations. To improve understanding of the patterns, the structural and semantic equivalents of the most common word-building models have been presented as tables.

The results of the study bring us to the following conclusions: interlingual equivalents to compound nouns might be interlevel and intercapable phenomena of the language system in general. Russian compound nouns have equivalents among German and English nouns or, more rarely, periphrases as equivalents, while German and English compound nouns are most commonly translated into Russian as descriptive phrases or attributive word groups, which can be explained by their less frequent usage in the language. Besides, compounds can have different equivalents depending on the context.

Keywords: onomasiological approach, linguistic analysis, word-building meaning, word-building model, word-building type, translation

References

1. Comparative Study of the German and Russian languages: Grammatical and Lexical Aspects. Gladrov V., Raevskii M.V. (Ed.). Moscow, Izd. MGU, 1994. 182 p. (In Russian)
2. Zemskaya E.A. Word Formation as an Activity. Moscow, Nauka, 1992. 221 p. (In Russian)
3. Balalykina E.A., Nikolaev G.A., Russian Word Formation. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 1985. 184 p. (In Russian)
4. Erben. J. Einführung in die deutsche Wortbildungslehre. Berlin, Schmidt, 2006. 206 S. (In German)
5. Lohde M. Wortbildung des modernen Deutschen. Ein Lehr- und Übungsbuch. Tübingen, Narr Francke Attempto Verlag, 2006. 350 S. (In German)
6. Marchand H. The Categories and Types of Present-Day English Word-Formation. A Synchronic-Diachronic Approach. München, C.H. Beck, 1969. 545 p.
7. Word-Formation: An International Handbook of the Languages of Europe. Müller P.O., Ohnheiser I., Olsen S., Rainer F. (Eds.). Vol. 4. Berlin, De Gruyter Mouton, 2016. 702 p.

8. Šimečková A. Zur jüngeren germanistischen Wortbildungsforschung und zur Nutzung der Ergebnisse für Deutsch als Fremdsprache. *Deutsch als Fremdsprache. Zeitschrift zur Theorie und Praxis des Deutschunterrichts für Ausländer*, 2004, H. 3, S. 140–151. (In German)
9. Barz I. Praxis und Integrationsfelder der Wortbildungsforschung. *Zum heutigen Erkenntnisinteresse germanistischer Wortbildungsforschung. Ein exemplarischer Bericht*. Barz I., Schröder M., Fix U. (Hrsg.). Heidelberg, Winter, 2000, S. 299–316. (In German)
10. Balalykina E.A. Russian Adjectival Word Formation at the Balto-Slavic Background. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2007. 272 p. (In Russian)
11. Nikolaev G.A. Lectures on Russian Word Formation. Kazan, Kazan. Univ., 2009. 188 p. (In Russian)
12. Markov V.M. Several comments on the ways of Russian word formation. *Slavia Orientalis*, 1980, no. 1/2, S. 155–160. (In Russian)
13. Shkatova L.D. Development of Onomasiological Structures (Based on Profession-Based Nomination of Persons in the Russian Language). Irkutsk, Izd. Irkutsk. Univ., 1984. 152 p. (In Russian)
14. Wamelink-van Lint, G.P.J. The Encyclopedia of Language and Linguistics. *Compounds: Semantics and Pragmatics*. Asher R.E., Simpson J.M.Y. (Ed.). Vol. 2. Oxford, Pergamon, 1994, pp. 657–659.

Для цитирования: Иванова Т.К., Аржанцева Н.В., Ерофеева И.В. Закономерности перевода сложных наименований русского, английского и немецкого языков // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2017. – Т. 159, кн. 5. – С. 1313–1322.

For citation: Ivanova T.K., Arzhantseva N.V., Erofeeva I.V. Patterns for translation of compound nouns in the Russian, English, and German languages. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2017, vol. 159, no. 5, pp. 1313–1322. (In Russian)